

тэрарыстычную дзейнасць. З гэтай мэтай ёю былі створаны шматлікія спецшколы, якія рыхтавалі разведчыкаў, шпіёнаў і дыверсантаў для закідкі ў савецкі тыл, а таксама ў партызанскія атрады. Нямецка-фашысцкія спецслужбы выкарыстоўвалі для выканання сваіх заданняў розных людзей: ваеннапалонных, здраднікаў радзімы, крымінальны элемент і некаторых прадстаўнікоў калабарацыі. Усе яны прайшлі навучанне ў спецшколах абвэра, СД і гестапа. Аналіз большасці заданняў, якія атрымоўвалі германскія агенты паказаў, што нямецкая разведка сабірала дадзеныя пра стан абароны савецкіх войск, намеры камандавання Чырвонай Арміі, а таксама пра рух войскаў, тэхнікі і грузаў.

Напярэдадні правядзення аперацыі «Баграціён» разведвальна-дыверсійная работа германскіх спецслужбаў яшчэ больш актывізавалася. Пасля вызвалення тэрыторыі рэспублікі ад фашысцкіх захопнікаў працягвалася закідка нямецкай агентуры ў Беларусь. Германскія спецслужбы выкарыстоўвалі нават дзяцей-падлеткаў, якія былі спецыяльна падрыхтаваны для вядзення тэрарыстычнай і разведвальнай дзейнасці. Спецслужбы фашысцкай Германіі правялі шмат аперацыяў па ўкараненню сваёй агентуры, аднак яны сутыкнуліся з супрацьдзеяннем ворганаў контрразведкі «Смерш», якія выкрылі і ліквідавалі большасць агентаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Архіў УУС Гродзенскага аблвыканкама.
2. NKWD o polskim podziemiu 1944-1948. Konspiracja polska na Nowogródzczyźnie i Grodzieńszczyźnie. – Warszawa, 1997. – 404 s.

УДК 347.1

ПРИЗНАКИ ПРАВА ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ОГРАНИЧЕННОГО ВЕЩНОГО ПРАВА

Рылко Е. И.

УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия»
г. Горки, Республика Беларусь

В гражданском законодательстве право оперативного управления отнесено к категории ограниченных вещных прав, тем не менее в научной среде вопрос о юридической природе рассматриваемого института является дискуссионным.

Сущность любого института права проявляется через его признаки и право оперативного управления не является исключением. Признаки права оперативного управления, с одной стороны, должны быть общими для всех ограниченных вещных прав, т. к. оно является составной частью последних, а с другой – обладать собственной спецификой, которая оправдывает его существование в качестве отдельной категории.

Представители цивилистической науки далеко не единодушны в определении признаков, которые являются общими для всех ограниченных вещных прав. С. В. Овсейко называет следующие признаки ограниченных вещных прав: 1) это всегда права на чужое имущество, принадлежащее другому лицу на праве собственности; они не только тесно связаны с правом собственности, но и зависимы и производны от него, как от своей основы; 2) им присуще право следования; 3) оно должно принадлежать только титульному владельцу, т. е. должно опираться на юридическое основание; 4) предоставлена защита от нарушений теми же вещно-правовыми способами, которые используются для защиты права собственности [1].

Е. Баринава иначе видит совокупность признаков ограниченных вещных прав и отмечает, что «ограниченным вещным правам присущи следующие признаки: юридическая связь с вещью, подчиняющая вещь господству управомоченного; интерес управомоченного состоит в пользовании вещью и удовлетворяется его собственными действиями, без посредничества других лиц; на всех других лиц законом возлагается обязанность не препятствовать управомоченному в осуществлении его права; право следования» [2].

Большой интерес вызывают те признаки права оперативного управления, которые позволяют выделить его в отдельную правовую категорию.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что возникновение права оперативного управления сопровождается созданием нового субъекта права. Все иные вещные права (за исключением права хозяйственного ведения) означают передачу каких-то отдельных правомочий на вещь, прав на использование определенных качеств вещи. Право оперативного управления имеет совершенно другой целевой характер. Собственник передает всю совокупность прав пользования, владения и распоряжения субъекту права оперативного управления в предусмотренных законодательством пределах, оставляя за собой только право окончательного распоряжения судьбой вещи и контроля над тем, как эта вещь используется.

Хотя право оперативного управления и является «правом на чужую вещь», тем не менее его субъекты (казенные предприятия, государственные объединения и учреждения) являются самостоятельными участниками гражданских правоотношений, что позволяет им, посредством осуществления своей деятельности, представлять не только интересы собственника имущества, но и свои собственные с учетом ограничений, предусмотренных законодательством. Подтверждением этому, на наш взгляд, является наличие возможности защищать свои права и законные интересы от всякого нарушения, в т. ч. со стороны собственника имущества, предусмотренной ст. 286 ГК Республики Беларусь.

Еще одним признаком, определяющим природу права оперативного управления, является зависимость возникновения данного ограниченного вещного права только от волеизъявления собственника. Только собственник имущества может принять решение о том, требует ли достижение поставленной им определенной цели создание таких юридических лиц, как казенное предприятие, государственное объединение и учреждение.

Все признаки, которые названы выше специальными для права оперативного управления, характерны и для права хозяйственного ведения, за исключением круга субъектов. Поэтому требуется определить и специфические особенности, позволяющие разграничивать эти две правовые категории. К ним, на наш взгляд, относятся ограничения правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом субъектами рассматриваемых прав, которые определены законодательством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Овсейко, С. В. Ограниченные вещные права: понятие и виды (Часть 1) / С. В. Овсейко // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 // [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Баринава, Е. Вещное право – самостоятельная категория? / Е. Баринава // Хозяйство и право. – 2002. – № 8. – С. 29-39.